

А. И. Попович

ЦАРЬ VS МУЧЕНИК В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ*

Аннотация

Исследование посвящено мученическому дискурсу в политической культуре России раннего Нового времени. Прослеживаются истоки практики обличения царя-мучителя на Руси и анализируются конкретные случаи личных обращений к царю с целью его предупреждения и исправления. Показано, что критические обращения к царю Алексею Михайловичу патриарха Никона, обоснованные им в «Возражении» и послании царю в июне 1667 г., имели схожие черты с риторическими построениями старообрядческого инок Авраамия в «Христианоопасном щите веры». Начавшаяся во второй половине XVII в. полемика со старообрядческой самосакрализацией в 1722 г. получила законодательное оформление, связанное с исполнением Синодом приказов Петра I, касающихся «слова и дела». Среди конкретных страдальцев в указах Синода называются Григорий Талицкий и Василий Левин, которые, по мнению законодателей, для того чтобы вызвать народное сочувствие, приняли на себя личину мучеников.

Ключевые слова

царь, мученик, мучитель, политическая культура, XVII век, петровская эпоха

Среди механизмов российской политической культуры XVI – начала XVIII в. особое место занимала возможность обличения царя-мучителя. Осуждение мучительства, иначе говоря тирании, заимствованное из византийской и европейской

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

Цитирование: Попович А. И. Царь vs мученик в политической культуре России раннего Нового времени // Человек и власть в эпоху русского Средневековья. М.: ИРЯ РАН, 2024. С. 44–49.

традиций, звучало в таких памятниках древнерусской книжности, как «Сказание о Дракуле», послание Федора Карпова к митрополиту Даниилу, «Просветитель» Иосифа Волоцкого, переписка Андрея Курбского и Ивана Грозного, «История о великом князе Московском» Курбского, публицистика Смутного времени и др.

Готовность правителей обсуждать эти политические идеи демонстрирует, в частности, реакция царя Ивана IV на выдвинутые Курбским обвинения в мучительстве и называние убитых «изменников» мучениками. Дискуссионный характер носили и не прекращавшиеся обсуждения праведности отдельных правителей Смутного времени (Лжедмитрия, Василия Шуйского, Бориса Годунова), по мнению В. Е. Вальденберга, свидетельствующие о том, что царская власть считалась ограниченной законом, беззаконие и нечестие при этом назывались главными чертами царя-мучителя [Вальденберг 1916, с. 366–370].

Таким образом, российское общество раннего Нового времени имело какую-то возможность воздействовать на власть и попытаться исправить царя-мучителя, например, через коллективные челобитные (если говорить о народных массах) или послания (индивидуальный вариант). В какой мере это ему удавалось и является ли сложившаяся история России результатом реальной работы этих механизмов ограничения власти – вопрос, не поддающийся ответу. Наряду с мучающим (мучителем) были и мучимые (мученики). В отличие от многих других языковых традиций, в русском языке слова «мученик» и «мучитель» стали однокоренными: «мученик» было переводом древнегреческого «μάρτυς» или латинского «martyr» (‘свидетель’), тогда как слово «мучитель» использовалось для перевода древнегреческого «τύραννος». Возможно, что такое взаимодополнение семантики нашло отражение и в практиках политической культуры, в частности, в трактовке «правды», ради которой обличитель царя готов претерпевать мученические страдания.

Примером индивидуально-личностного воздействия на царя Алексея Михайловича являются поведение и самохарактеристика патриарха Никона. В «Возражении» (ок. 1663 г.) на 27-й ответ Газского митрополита Паисия Лигарида боярину Семену Стрешневу Никон довольно подробно комментирует обвинение: «Один который называет мучителем велможнейшаго Царя нашего и смеет нарицати его несправедливаго обидетеля и хищника, что тому подобает по святым правилом?» [Никон 2004, с. 456]. Патриарх не спорит с тем, что именно ему принадлежит такая характеристика царя и сравнивает свое поведение с «дерзновением» библейских героев (в частности, Иосифа, Моисея, Аарона, Нафана и др.), обличавших «дерзости» правителей. Основное содержание его полемики касается рассуждений Паисия Лигарида о наказании за обличение. Никон подчеркивает, что нельзя подвергать подданного наказанию, если тот обличил царя «по правде»: «Аще и обличению словеса люта суща зело, на досаждение обличаемым вменяются, без правды убо досаждати не оставляет правило, якоже от различия разумети. По правде же кто обличает царя или князя, несть достоин муки» [Никон 2004, с. 456]. Если же царь накажет такого свидетеля, рассуждает Никон, то он выступит против самого Бога: «И которая досада царем, аще кто правду ему известует, а царь, возгордевся, не послушает, но и муки нанесет дерзостию на свидетеля. Не онаго укорит или отместится царь, но самаго Богу отместится» [Никон 2004, с. 457].

В качестве одной из «вин» Никона, обозначенных на суде над патриархом на Большом Московском соборе 1666–1667 гг., было бесчестие царя в форме называния его мучителем: «Первая вина написана, что я тебя, великово царя государя, бесчестил, мучителем называл» [Письмо патриарха Никона 2007, с. 438]. На обоснование собственной правоты, христианской правды в своих словах направлены разъяснения Никоном своих слов в письме царю из Ферапонтова монастыря после суда: «Аз убо, о царю, не точию страдати всѣзволюю, но и умрети готов есмь правды ради, только бы не во твое царство» [Письмо патриарха Никона 2007, с. 438].

В этом послании Никон вспоминает и свое 27-е возражение на ответ Лигарида. Отсылка на заповедь блаженства «изгнанных правды ради» также способствовала, с одной стороны, самосакрализации Никона, а с другой – обличению ведущего себя неправедно царя. Памятной патриарху и царю была также судьба осудившего действия Ивана IV митрополита Филиппа II (Колычева), чьи мощи были перенесены в 1652 г. из Соловецкого монастыря в Москву.

Важно, что Никон отказывается здесь от прямых обличений Алексея Михайловича, но намекает на саму возможность признания его правления мучительским: «Сего ради сугубо приходит плакати – ово своих бѣдъ и зол, ово твоего ради царства, яко такое зло приспѣ въ твое царство содѣлатись, занеже не добра тебѣ, великому царю государю, похвала» [Письмо патриарха Никона 2007, с. 438]. Функционально такую модель обращения к царю можно назвать предупредительной. Обличение царя становится возможным лишь после подтверждения его мучительского облика, до этого времени его фигура священна и неприкосновенна. Это наблюдается и в многочисленных старообрядческих челобитных и других текстах, адресованных царю. Так, инок Авраамий в «Молении от лица озлобленных чад церковных о умирении святых Церкви» в «Христианоопасном щите веры против еретического ополчения» напоминает царю само содержание понятия «мучитель», обличая его отступничество от христианской веры:

А аще ты нынѣ, царю, мнишися правую вѣру обрѣсти паче отецъ своихъ: то уже отцы твои, благовѣрнии цари и князи, злочестиви быша и православныя вѣры отступиша; аще ли они, государи наши, православнии быша и правую вѣру держаша, и въ томъ благочестии и души своя въ руцѣ Христу Богу предаша: то ты нынѣ, царю, нечестивый еретикъ и новый отступникъ православныя вѣры и восточныя соборныя церкви, и новый же въ Руси царь, мучитель и гонитель святыхъ прозовешися [Материалы для истории раскола 1885, с. 213].

Именно в старообрядческой традиции наиболее последовательно оформляется тенденция называния себя мучениками в православном государстве, своего рода самосакрализация [Плюханова 2000]. Нивелирование сакрального статуса правителя, таким образом, часто соединялось с наделением святостью подданных, вступавших с ним в конфликт. Не случайно в начале XVIII в. Петр I предпринимает меры для своего рода контроля над оборотом святости и буквально регламентирует распределение мученических венцов внутри Российского государства. Вопросы, которые в конце XVII в. лишь обсуждались (такие как: кого можно называть мучениками, а кого нет? могут ли появляться мученики за веру в настоящее время?), в петровскую эпоху получают законодательную базу. С одной стороны, это было развитие мер религиозного дисциплинирования и применение на практике положений «Духовного регламента», но с другой стороны, эти решения относились не только к собственно духовной, но и к политической сфере. Полемика с мучениками внутри православного государства стала в полной мере светским дискурсом, внутри которого во главу угла ставились интересы государства, а отнюдь не соображения сохранения чистоты веры.

21 июля 1722 г. вышло первое издание увещания, подготовленного Синодом по приказу Петра I и предназначенного для чтения «по всямѣсячно въ воскресныя дни и господския праздники во святых церквахъ, а при ярмонкахъ, гдѣ многонародное бываетъ собрание, и пред церквами для множества людей...» [Увещание Синода 1722, л. 4 об.]. Увещание, не имевшее в печати заголовка, получило в историографии название «О недействительности самовольного страдания, навлекаемого законопреступными деяниями» [ПСЗ 1830, № 4053, с. 742]. Его текст в основном был составлен из отдельных мест толкования на блаженство «изгнанных правды ради» из книги Феофана Прокоповича «Христовы о блаженствах проповеди толкование», над которой он работал как минимум с 1720 г. (первое издание вышло 16 марта 1722 г.) [см.: Попович 2021,

с. 1267–1271]. Толкование на блаженство «изгнанных правды ради» было наиболее развернутым среди прочих толкований, составивших эту книгу, и занимает четверть от нее [Прокопович 1722, л. 103 об.–138].

Чисто религиозные соображения в увещании отодвинуты на второй план. Как и свойственно указам, пусть и синодальным, этот текст носил прогосударственный характер. Как и в толковании Прокоповича, здесь обличается аргументация старовеков: помимо всего прочего, они обвиняются в тщеславном желании славы мученика и обличителя власти:

Сии же прелщающии и прелщаемии глупцы православнаго Монарха безчестить, и аще бы могли и низринуть, и за таковую безбожную дерзость страдать до крове не стыдятся, помышляюще, что страдание то честное будетъ и славное. Имѣли бо окаянная времена наша и такового изумления образцы: явились единъ и другии, котории на высочайшую власть не за нѣкую ея неправду <...>, но славится дерзновениемъ своимъ и мнимымъ мужествомъ возжелавше, и тако забывше страхъ Божий, не убоялися изблевати досадительная дерзословія, хулы и укоризны, яковый и въ нынѣшнее время тѣмже суесловіемъ прелстивший себе явился злодѣй, разстрига Василий Левинъ, который желая страдания, не помня же суда Божия, не устрашилсѣ предъ простымъ народомъ произнести пребезумныя злословія своя на державнѣйшаго помазанника Божия, власть высочайшую и неприкосновенную. Таковии же треокаяннии челоувѣцы прелщаются, симъ будущія славы мечтаниемъ услаждающе себе, хвалимъ буду, и блажимъ отъ всѣхъ, аще за сие постражду, напишется о мнѣ история, пронесется всюду похвала, не единъ удивляяся скажетъ о мнѣ, великодушень мужъ былъ, Царя обличилъ, мукъ лютыхъ не убоялся [Увещание Синода 1722, л. 2 об. – 3].

В указе упоминается отставной капитан Василий Левин (в монашестве Варлаам), который 19 марта 1722 г., как сообщает другой синодальный указ от 17 мая того же года («О объявлении священникамъ открытых им на исповеди преднамеренныхъ злодейств...»), «пришедъ въ городъ Пензу, кричалъ всенародно многія злыя, до превысокой Его Императорскаго Пресвѣтлаго Величества чести касающіяся, и весьма вредительныя Государству слова» [ПСЗ 1830, № 4012, с. 687]. В одном ряду с Левиным (не называемым в этом указе по имени) упоминаются Григорий Талицкий, судебное дело которого завершилось еще в 1701 г., и царевич Алексей Петрович. Талицкий как один из тех, которые «страдать за ложное свое мнѣние в мученичество себѣ вмѣняють», упоминался также в указе Синода от 27 января 1722 г. («Пастырское Святейшаго Синода увещание к обращению раскольников...») [ПСЗ 1830, № 3891, с. 495]. В этом смысле вызвавшее большой резонанс дело Талицкого [см.: Акельев 2022, с. 270–314] в 1722 г. оказалось созвучно процессу над Левиным. Таким образом, объявление Петра антихристом, времени – гонительным, а себя – страдальцами вызывало политические обвинения в измене, влекшие громкие и постоянно вспоминаемые самой властью процессы «слова и дела».

Разумеется, подобные законодательные меры не могли предотвратить появление в государстве новых «мучеников» и новых обвинений в «мучительстве». При этом понятие «мученик» все больше отступало от своего канонического значения и приобретало политическое звучание. Законотворческая попытка Петра I – довольно яркий пример власти управлять самим мученическим дискурсом. Безусловно, замысел этой идеи был напрямую связан с масштабами проблемы старообрядческой самосакрализации, однако дело было не столько в вере. Сакрализация политических оппонентов–«мучеников», бесчестящих самого государя, была опасна, поскольку у старообрядцев был большой ресурс народной поддержки (не случайно в ряде обличительных памятников постоянно говорится о злоупотреблении общественным мнением). «Развенчание» такого рода мучеников вписалось в ряд прочих мер «регулярнаго государства».

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Материалы для истории раскола 1885 — Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые братством св. Петра митрополита / под ред. Н. Субботина. М.: Тип. Э. Лисспера и Ю. Романа, 1885. Т. 7. XXX, 433 с.

Никон 2004 — Никон, патр. Труды / подг. В. В. Шмидт. М.: Издательство Московского университета, 2004. 1264 с.

Письмо патриарха Никона 2007 — Письмо патриарха Никона царю Алексею Михайловичу (июнь 1667 г.) // Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками. Исследование и тексты. М.: Индрик, 2007. С. 438–449.

Прокопович 1722 — [Прокопович Ф.] Христовы о блаженствах проповеди толкование. СПб.: Тип. Троицкого Александро-Невского монастыря, 16 марта 1722. 140 л.

ПСЗ 1830 — Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание первое. СПб.: Тип. II Отделения С. Е. И. В. К., 1830. Т. 6 (1720–1722). 818 с.

Увещание Синода 1722 — [Увещание Синода]. М.: Синод. тип., 21 июля 1722. 4 л.

Литература

Акельев 2022 — Акельев Е. В. Русский Мисопогон: Петр I, бранение и десять миллионов «москвитов». М.: Новое лит. обозрение, 2022. 624 с.

Вальденберг 1916 — Вальденберг В. Древнерусские учения о пределах царской власти. Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Пг.: Тип. А. Бенке, 1916. 463 с.

Плюханова 2000 — Плюханова М. Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самоожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. Т. 3: (XVII – начало XVIII века). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 380–459.

Попович 2021 — Попович А. И. «Жажда мучения» vs страдание «правды ради»: полемика о старообрядческой жертвенности на переломе эпох // Quaestio Rossica. 2021. Т. 9. № 4. С. 1259–1277.

Сведения об авторе

Алексей Игоревич Попович, младший научный сотрудник
Лаборатории эдиционной археографии,
ассистент кафедры русской и зарубежной литературы
Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19
alexeyropowich@mail.ru

A. I. Popovich

TSAR VS MARTYR IN THE POLITICAL CULTURE OF EARLY MODERN RUSSIA

Abstract

The study is devoted to the martyrdom discourse in the political culture of Early Modern Russia. The article outlines the origins of the practice of denouncing the tsar-tormentor in Rus' and analyses cases of personal appeals to the tsar to warn and correct him. It is shown that the critical appeals to tsar Alexei Mikhailovich of Patriarch Nikon, substantiated by him in the “Objection” and the message to the tsar in June 1667, had similar features to the rhetorical constructions in “The Christian’s Secure Shield of Faith” of the Old Believer monk Avraamii. The polemic against Old

Believer self-sacralisation, which began in the second half of the 17th century, received a legislative basis in 1722 in connection with the execution by the Synod the orders of Peter the Great concerning “word and deed”. Among such sufferers, the decrees of the Synod name Grigory Talitsky and Vasily Levin, who, according to legislators, in order to evoke popular sympathy, took on the guise of martyrs.

Keywords

tsar, martyr, tormentor, political culture, 17th century, Petrine era.